

УДК 378.147 + 658.512+159.98

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ТРУДА СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

М. Р. Арпентьева

*Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
Калуга, Российская Федерация, e-mail: mariam_rav@mail.ru*

Аннотация. *Цифровая безопасность в современном мире – один из ведущих практических и теоретических трендов. Множество практиков и теоретиков работает над совершенствованием цифровой безопасности, обычно полностью игнорируя издержки собственных этого весьма нужного, но не столько однозначного, как это представляется государству и транснациональным корпорациям, спонсирующим данные исследования, процесса. Цель исследования – анализ социально-психологических аспектов применения ИКТ в управлении вузовским и школьным образованием. Методика и методология исследования. В работе осуществлен теоретический анализ проблемы социально-психологических опасностей использования ИКТ в управлении вузовским и школьным образованием, подведены итоги включенных и не включенных наблюдений за процессами и результатами внедрения балльно-рейтинговой системы и применения ИКТ в университетском образовании. Результаты исследования. Разработанные и внедряемые с целью оптимизации процессов управления и повышения доступности образования в школах вузах системы «виртуальной школы» и «виртуального университета» сталкиваются с серьезными социально-психологическими и управленческо-правовыми проблемами. Одна из ведущих – проблема спорадического или системного нарушения личностной и организационной безопасности. Эта проблемы возникла не только потому, что отсутствует культура взаимоотношений в цифровой среде. Она возникла потому, что нравственные, конвенционально-ритуальные и юридические нормы и в реальном, и в «виртуальном» мире перестали быть действительными регуляторами отношений. Реальными регуляторами в данной среде выступают нормы коммодифицировавшего все стороны своего бытия сообщества. Стоящая перед педагогами, администрациями, государством задача восстановления российского образования как лучшего образования в мире, восстановление обращения как сферы культуры, а не бизнеса, переориентация образования на развитие личности и культуры, а не обслуживание даже самых лучших «прямых» нужд производства и экономики, – действительно сложна. Нравственно осмысленное и опирающееся на нравственные нормы, партисипативные, развивающие технологии образование, однако, – не недостижимое будущее, а развитая традиция, поддержать и восстановить которую готовы и исследователи, и педагоги.*

Ключевые слова: *безопасность, цифровая безопасность, форсайт образования, балльно-рейтинговая система, облачные технологии, злоупотребление полномочиями.*

Для цитаты: *Арпентьева М. Р. Социально-психологические проблемы балльно-рейтинговой системы оценки труда сотрудников образовательных учреждений // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3611–3619. DOI: 10.15372/PEMW20200124*

DOI: 10.15372/PEMW20200124

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF THE POINT-RATING SYSTEM FOR EVALUATING EMPLOYEES' WORK IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Arpentieva M. R.

*K. E. Tsiolkovskiy Kaluga State University
Kaluga, Russian Federation
e-mail: mariam_rav@mail.ru*

Abstract. *Digital security in the modern world is one of the leading practical and theoretical trends. Many practitioners and theorists are working to improve digital security, usually completely ignoring the costs of this process, which is very necessary, but not as univocal as it is presented to the state and transnational corporations (TNCs) sponsoring the research. The purpose of the study is to analyze the socio-psychological aspects of the use of information and communication technologies (ICT) in managing university and school education. Research methodology and techniques. The paper presents the theoretical analysis of the problem of the socio-psychological dangers of using ICT in managing higher education and school education; it also summarizes the included and non-included observations over the processes and results of the implementation of the point-rating system and the use of ICT in university education. The results of the study. The systems «Virtual school» and «Virtual university», developed and implemented in order to optimize managing processes and increase the accessibility of education in schools and universities, face serious socio-psychological, managerial and legal problems. One of the main problems is the problem of sporadic or systemic violation of personal and organizational security. This problem arose not only because there is no culture of relationships in the digital environment. It arose because moral, conventional- ritual and legal norms both in the real and in the «virtual» world, ceased to be real regulators of relations. The real regulators in this environment are the norms of the community that modifies all aspects of its existence. Teachers, administrations, the state face a really complicated challenge, which is to restore Russian education as the best education in the world, restore it as a sphere of culture, not business, re-orientate education to develop individual and culture, and not serve even the best «direct» needs of production and economics. However, morally meaningful and based on moral standards, participatory, developing educational technologies are not the unattainable future, but a developed tradition, which researchers and teachers are ready to support and restore.*

Keywords: *security, digital security, foresight education, point-rating system, cloud technologies, abuse of authority.*

For quote: *Arpentieva M. R. [Social and psychological problems of the point-rating system of estimation of labor in educational institutions]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 3611–3619. DOI: 10.15 372/PEMW20 200 124*

Да будет воля Твоя, не слышащий голос плача, сделай для нас хоть это – сложи слезы наши в кожаный мех Твой. Сохрани эти страницы слез в дорожной суме бытия, и да попадут они в правильные руки и совершат свое исправление

А. Левите, Освенцим

Введение. Современный университет и современная школа все больше становятся «виртуальными». Помимо широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий (information and communication technologies, ИКТ), виртуализация затрагивает такой пласт работы учреждений образования, как симуляция учебно-профессиональных и интимно-личностных отношений субъектов. Из университетских и школьных отношений уходят любовь старших к младшим и стремление их чему-то важному и значимому научить, исчезает воспитать достойных и самостоятельных людей, разрушается любовь педагогов к ученикам, разрушаются или даже не формируются умения учить и учиться. Внедрение облачных и иных технологий создания единой цифровой среды школы и вызывает вместо оптимизации отношений и процессов обучения и воспитания, многочисленные проблемы нарушения безопасности и коррупции. Если культура взаимоотношений в реальной среде отчасти выработана, то в среде виртуально-цифровой она все еще отсутствует. Ресентимент и буллинг, «обеспеченные», помимо собственно «административного ресурса» и мощью современных ИКТ, выводят насилие в образовательных учреждениях на новый уровень, уровень, который неловко, но точно передан в понятии «электронный концлагерь». На наш взгляд, чтобы раскрыть сущность отношений в «электронном концлагере», необходимо обратиться к работам исследователей, прошедших обычные и «экспериментальные» тюрьмы и концлагеря (Б. Беттельгейм, В. Франкл, А. Кемпински, Ф. Зимбардо и др.) [1], буллинг и травлю на работе, в семье, в социуме, проанализировать современными модели управления организацией и обществом, отражающие идею такого «мобильного концлагеря» и активно внедряемые или уже внедренные в настоящее время в менеджменте в образовательных и иных организациях ряда стран (Япония, Китай, США, Великобритания).

Цель исследования – анализ социально-психологических аспектов применения ИКТ в управлении вузовским и школьным образованием.

Методика и методология исследования. В работе осуществлен теоретический анализ проблемы социально-психологических опасностей использования ИКТ в управлении вузовским и школьным образованием, подведены итоги включенных и не включенных наблюдений за процессами и результатами внедрения балльно-рейтинговой системы (БРС) и применения ИКТ в университетском образовании.

Результаты исследования. Разработанные и внедряемые с целью оптимизации процессов управления и повышения доступности образования в школах вузах системы «виртуальной школы» и «виртуального университета» сталкиваются с серьезными социально-психологическими и управленческо-правовыми проблемами [2; 3; 4; 5]. Одна из ведущих – проблема спорадического или системного нарушения личностной и организационной безопасности. Эта проблема возникла не только потому, что отсутствует культура взаимоотношений в цифровой среде. Она возникла потому, что нравственные, конвенционально-ритуальные и юридические нормы и в реальном, и в «виртуальном» мире перестали быть действительными регуляторами отношений. Реальными регуляторами в данной среде выступают нормы коммодифицировавшего все стороны своего бытия (включая «нравственность», «закон», «образование», «культура», «безопасность» и т. д.) сообщества. Естественным образом, такая коммодификация привела к тому, что субъекты с большими капиталами (финансовыми, материально-физическими, социальными, человеческими, культурными) и с доступом к управлению капиталами начали стремиться контролировать процессы и результаты обмена таким образом, чтобы максимизировать личную и организационную прибыль, исходя из простого понимания того, что выбранная ими модель отношений не является вечной, но, напротив, требует форсирования и максимального усиления (в качественном и количественном планах). Соблазн легкой и быстрой наживы, рожденный иллюзией отсутствия границ: юридических, нравственных и конвенциональных норм, препятствующих злоупотреблениям «системами безопасности» и «системами поощрения», не только возникает в процессе применения ИКТ. Напротив, данный соблазн и был тем источником, который форсировал разработку ИКТ. Если мы, например, сравним состояние технологий во многих иных сферах, то они не ушли дальше середины XX века. ИКТ же прогрессирует и прогрессирует, благодаря цели, стоящей над ними. Естественным образом, эта цель улавливается менеджерами образовательных и иных организаций, и, в отсутствие реального участия членов организации в принятии уставов организации, этических стандартов и иных нормативов труда, рождает вседозволенность. Вседозволенность быстро переводит отношения от более или менее спорадических прецедентов внутриорганизационного и межорганизационного шпионажа и нарушения прав сотрудников, к системному нарушению в целях тотального контроля не только профессиональной, но и личной жизни сотрудников: граница между профессиональными и личными сферами информации, благодаря современным цифровым «реестрам», «банкам данных» и «облакам» практически не существует. Наряду с балльно-рейтинговой системой, созданной якобы только в целях стимулирования труда работников, облачные технологии используются для изыскания причин и способов травли и преследования «неудобных» (как в рамках известной социально-психологической модели «козла отпущения», на которого сбрасывается накопленный запас внутриорганизационной агрессии, так и в рамках целенаправленных программ «организационных оптимизаций»). Типичной, например, выступает ситуация незаконного взлома и незаконного использования информации о человеке, в том числе в рамках ее широкого распространения внутри и вне университета. ИКТ нередко применяются в целях, нарушающих законы об информации и Конституцию, однако, поскольку их применение контролирует бюрократический аппарат, являющийся, по сути, основным источником этих законов, постольку, никаких последствий, кроме достижения его представителями собственных целей, не возникает. Взломы практикуются в самых разных целях: от обычной «экономии» фонда заработной платы, до направленного преследования «инакомыслящих» и формирования послушной воле менеджеров и неспособной к самостоятельному мышлению и поведению «биомассы». Облачные технологии, применяемые во многих школах и вузах, наряду с применением «БРС» – балльно-рейтинговой системы оплаты труда формируют полностью рабское поведение и сознание сотрудников, а также студентов. Извлеченные данные используются для организации шантажа и подавления попыток сопротивления преступлениям и нарушениям, широко распространенным в современном образовательном бизнесе России ТК, УК и АК РФ, внутренних документов и регламентов организации, по отношению ко всем или отдельным сотрудникам, для расправ с неудобными и т. д.

Естественным образом, все эти нарушения оказываются «нормализованными», легитимизируются, поскольку они, якобы: 1) существенно «оптимизируют» работу учреждения; 2) «обеспечивают безопасность» работы учреждения; 3) являются свидетельством «прогресса» и развития учреждения.

Здесь необходимо вернуться к истокам данной системы. Многие ее постулаты были заложены в Японии [6; 7]. Японская система менеджмента предложила целый ряд технологий и процедур, превращающих сотрудника организации в существо, абсолютно подконтрольное ее менеджерам. Спустя

некоторое время, Китай освоил данные технологии, обеспечив себе длительный и интенсивный экономический рост за счет не менее интенсивной и длительной культурной деградации. В истории Китая, как и истории Японии, эти «деградации», однако, таковыми не считались и не считаются: гуманные отношения между людьми всегда имели определенный «предел», который государство нарушало при любом удобном случае. Неудивительно, что деградация привела, с одной стороны, к росту девиантных форм поведения, отношения и жизни, росту преступности, а, с другой стороны, позволила ввести новую, еще более жесткую, чем до этого, систему управления населением, которое в ином случае, могло бы увидеть все просчеты «китайского экономического чуда». Введенная в 2018 году в Китае (опирающаяся на значительный опыт японских компаний) пилотажная система социальных кредитов (первая открыто и массово введенная модель «электронного концлагеря»), регистрирует малейшее отклонение человека в которой от «нормы» и, тем более от «социально желательных» 400 000 параметров. Эти параметры собраны в четыре основных группы, а именно 1) честность в государственных делах; 2) коммерческая добросовестность; 3) поведение в обществе; 4) судебная история) карается потерей «баллов», «кредитов доверия», зарплаты, возможности и развиваться и что-то делать вообще [7; 8]. Санкции в отношении граждан со стороны государства в Китае охватывают ряд показателей: 1) запрет на работу в госучреждениях; 2) отказ в социальном обеспечении; 3) особо тщательный досмотр на таможне; 4) запрет на занятие руководящих должностей в пищевой и фармацевтической промышленности; 5) отказ в авиабилетах и спальном месте в ночных поездах; 6) отказ в местах в дорогих гостиницах и ресторанах; 7) запрет на обучение детей в дорогих частных школах (таким образом, система имеет проектирующую и моделирующую направленность – нацелена на изменение настоящего и будущего человека и его рода, и, таким образом, естественно нацелена на стирание прошлого, в котором человек еще был личностью).

Балльно-рейтинговая система оценки труда преподавателей и ученых в российских образовании и науке не содержит в явном виде таких «санкций», однако, таковые легко обнаруживаются: начиная от 1) вынесения дисциплинарных взысканий с лишением заработной платы, заканчивая 2) публичным ostrакизмом и травлей, 3) увольнением и попытками / угрозами (шантаж и т.д.) уголовного преследования с целью запрета на научно-исследовательскую, педагогическую и т.п. профессиональную самостоятельную, инициативную, качественную деятельность, а также с целью получения руководящим аппаратом удовольствия насилия и реализации иных, не связанных с профессиональными потребностей. Последние, однако, в высоко коррумпированном и нацеленном на получение экономических прибылей и властных полномочий больше, чем на развитие личности и культуры, образовании России, – самое важное. Однако, как отмечалось, помимо наслаждения насилием и уничтожением потенциального оппонента, система осуществляет ряд других, более серьезных в стратегическом отношении, задач. Сегрегация профессионалов по вымышленным и надуманным поводам ведет к «депрофессионализации». В кризисном обществе с постоянно сокращающимся количеством рабочих мест, такая «депрофессионализация» быстро приводит к коллапсу индивидуальной жизни. Личность превращается в компонент «биомассы», из страха поражения, потери благополучия или жизни согласной на все, в том числе на любое преступление ради того, чтобы сохранить жизнь и благополучие, а также одобрение «Большого брата» (Дж. Оруэлл), «всевидящего ока» и иных жителей тюрьмы-паноптикума И. Бентама [9; 10; 11].

Человека «убирают с доски», освобождая невыплаченные ему средства, для тех, кто так эффективно защищает от попыток осознания и свободы других сотрудников организации. Помимо экономической выгоды в России – стране со сверхразвитым инстинктом «административного восторга» («синдрома вахтера», почитания власти и деньги имущих), уничтожение оппонента (даже и особенно невиновного) составляет значительное удовольствие расправы самой по себе. Это происходит по нескольким причинам: помимо отреагирования инстинкта уничтожения и периодического сброса агрессии, система получает подтверждение своей дееспособности, которое иначе она получить не в состоянии: ни одно позитивное, продуктивное действие не может удовлетворить систему, построенную на опасениях, насилии и невежестве. Напротив, все, что построено на деструкции и страдании, предательствах и преступлениях против нравственности и закона, оживляет системы. Очередной выброс энергии воспринимается как «ощущение жизни» («наслаждение жизнью», властью и т.д.), хотя, на самом деле, речь идет об очередном шаге к смерти и разложению. К сожалению, система, изначально построенная на идее преступления и наказания, этого не понимает, а иных вариантов, не деструктивных, защищать свою «безопасность» и «стабильное развитие», не видит. Иные же системы управления и «защиты» построены на идеях взаимопомощи и поддержки – склонны к децефализации (уходу от государства и от моносубъектного управления), от иллюзий бесконфликтного и вечно стабильного внешнего развития внутренне разбалансированных систем. Поэтому они «вынуждены ждать», когда люди выстрададут свободу от желания играть в «биомассу и элиту».

Сейчас мы видим, что антиутопии Дж. Оруэлла и иных фантастов, а также предсказания многих философов и социологов, таких как Д. Андреев, долгое время благодаря победе СССР и ее союзников над фашизмом в середине XX века казавшихся невозможными, теперь, после распада СССР и освоения Россией ценностей и целей западной цивилизации, становятся реальностью. Мы видим также, какживает опыт отношений, ставший массовым во время Первой и Второй Мировых войн: опыт концлагерей, опыт «ударныхстроек», ГУЛАГов и т. д.: времени, когда в СССР создавалась особая прослойка высокопоставленных преступников, создавался особый «блатной мир», которого не было до этих страданий. Но актуализируется и опыт выживания и победы человека: в тюрьмах, лагерях, в терактах и на войне. Люди вынуждены осознавать себя людьми, делать выбор: «на свете есть две «расы» людей, только две! – люди порядочные и люди непорядочные. Обе эти «расы» распространены повсюду, и ни одна человеческая группа не состоит исключительно из порядочных или исключительно из непорядочных; в этом смысле ни одна группа не обладает «расовой чистотой!», – писал В. Франкл о важности нравственных ориентиров выживания и развития в кризисном сообществе [12, с. 48].

К сожалению, публикаций научного уровня на эту тему крайне мало: основная часть исследований оказывается малоинформативным рассуждением об «электронном концлагере» в СМИ Интернета. Традиционные СМИ, включая таблоиды, данную проблему умалчивают. Вместе с тем многие знаменитые психологи, философы и социологи, прошедшие через страдания концлагерей, тюрем и войн, оставили значимые и объемлющие широчайший спектр социально-психологических проблем работы и рекомендации по выживанию и развитию в условиях, в которых выживание подчас просто невозможно (В. Франкл, А. Кемпински, Бр. Беттельхейм и др.). Упоминание о них в контексте протекающих процессов в науке, стремящейся защитить себя от малейших «экономических неудач», в науке, обслуживающей интересы правящих классов, но не человечества, воспринимается нередко негативно. Западная наука активно играет в «демократические игры» словесной вседозволенности, поэтому в ней можно услышать что-то, что выходит за рамки «разрешенного». Но и там мы видим, как попытки противостоят стандартизации, уплощению, развалу и трансформации образования из института культуры в институт контроля, как попытки проследить и предвосхитить позитивные тенденции в образовании, его возрождение из «руин», часто наталкиваются на мощное и все более откровенное противодействие: восхваление «экономической выгоды» уничтожает и носителей знаний умений, и сам институт образования. И балльно-рейтинговая система на этом пути – прекрасный инструмент, успешно и неотвратимо выполняющий свои функции: фиксации экономического рабства как тотальной неизбежности, переход рабства экономического в рабство психологическое. Прогрессивная педагогика, психология, социология, культурология, история и т. д. мира систематически проигрывает спешащим закрепить свое положение и коммодифицировать свой «труд на благо самих себя», на благо потерявших реалистичность представлений о себе и мира государства и бизнеса, ученым. В этих местах люди, преступившие из страха сакрально-человеческое, переставали быть людьми, переставали быть, становясь живыми зомби. Напротив, рефлексирующие – выживали и преодолевали ужас кажущегося бесконечным и смертельным насилия. в образовательных организациях современности широко практикуются все описанные Бр. Беттельхеймом правила превращения личностей в «биомассу». Превращая в биомассу учителей и преподавателей, система решает задачу воспроизводства биомассы раз и навсегда. Так, преподаватели и учителя в школах и вузах России заняты бессмысленной работой. Они вынуждены соблюдать взаимоисключающие правила, нарушения которых неизбежны, уже почти не существует личной ответственности за нравственные преступления и предательства, за неделанную работу, есть лишь коллективная. Личная ответственность используется при необходимости удаления сопротивляющихся «изгоев». Важно при этом также то, что люди поставлены перед необходимостью (чтобы не быть изгнанными также, не лишится работы и т. д.) избегать правды, делать вид, что они ничего не видят и не слышат. При этом большинство поверило, что поверить в то, что от них ничего не зависит: «Выживание человека зависит от его способности сохранить за собой некоторую область свободного поведения, удержать контроль над какими-то важными аспектами жизни, несмотря на условия, которые кажутся невыносимыми... Даже незначительная, символическая возможность действовать или не действовать, но по своей воле, позволяла выжить мне и таким, как я», – писал Бр. Беттельхейм [43, с. 1]. Вслед за этим человек побуждается переступить последнюю внутреннюю черту: предательство, нарушение сакральных ценностей, полностью уничтожает человека: «Чтобы не стать ходячим трупом, а остаться человеком, пусть униженным и деградировавшим, необходимо было все время осознавать, где проходит та черта, из-за которой нет возврата. Черта, которую нельзя переступать ни при каких обстоятельствах, даже под угрозой жизни. Сознать, что если ты выжил ценой перехода за эту черту, то эта жизнь потеряет всякое значение», – отмечал Бр. Беттельхейм [43, с. 1]. Стратегии выживания в этом контексте делятся на две части: 1) псевдо-выживание связано с сохранением/повышением бла-

гополучия и статуса, вы том числе надзора или доносительства за остальными («выбиться в элиту»), стремление высоко оценивать свою «значимость» для коррумпированной руководящей элиты, стремление воспринимать происходящее как искупление своих ошибок, готовность к разрушению (интимно-личностных, человеческих) связей с (близкими) людьми и реальностью (фантазирование и симуляции), искать особого расположения «хозяев» как проявление «стокгольмского синдрома»; 2) выживание как сохранение собственного «я», предполагает поиск конкретного смысла происходящего во внутреннем и внешнем мире, стремление сохранять перспективное понимание – будущее, стремление делать что-либо самостоятельно, по собственной инициативе, не изменяя себя насколько это возможно: «Если тебя о чем-то спрашивают, следует отвечать по возможности правдиво, но о том, о чем не спрашивают, лучше молчать», – писал В. Франкл. Он же подытожил: «Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Человек изобрел газовые камеры. Но человек же и шел в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах» [12, с. 48]. У кого есть «Зачем», тот выдержит почти любое «Как», – повторил он вслед за Ф. Ницше. Нашедшие смысл страдания в концлагере побеждали обстоятельства: ««в концлагере можно отнять у человека все, кроме последнего – человеческой свободы, свободы отнестись к обстоятельствам или так, или иначе... Человек, осознавший свою ответственность перед другим человеком или перед делом, именно на него возложенным, никогда не откажется от жизни. Он знает, зачем существует, и поэтому найдет в себе силы вытерпеть почти любое «как»» [12, с. 37].

Пока же – все что позволяет, якобы, увеличить безопасность в организации, на деле приводит к резкому усилению и ужесточению характера эксплуатации человека корпорациями, в том числе путем установления жёсткого контроля за жизнью человека. Возникает также риск демонтажа остатков национальных государств, их замены цифровым мировым правительством, представляющим интересы небольшой группы людей («цифровая диктатура», «электронный концлагерь», «цифровое рабство», «тотальный контроль»). «Система социального кредита» (ССК) задумана как система оценки благонадежности граждан/сотрудников и организаций/подразделений по различным параметрам с помощью электронных средств массового наблюдения, использующих технологию анализа больших данных (big data), а также прямые обращения заинтересованных и имеющих доступ к облачным «входам» лиц к персональной информации человека/сотрудника. Несмотря на то что БРС выглядит как гораздо более «невинная» и менее масштабная пока практика стратификации преподавателей в вузах России, она также несет коррумпированной бюрократии аналогичные возможности. Все это позволяет ставить коррупцию в вузах и в регионе, а также в государстве в целом на новый, недостижимый для иного способа преодоления, как тотальное разрушение, уровень. Таким образом, коррумпированные системы создают иллюзии легитимности беззаконий и насилия, совершаемого по отношению к сотрудникам, расправляясь с теми, кто эту легитимность способен оспорить. ИКТ в образовании становится важным звеном будущего «электронного концлагеря»: системы тотальной слежки за гражданами с помощью цифровых технологий. Апробация такой системы в Китае (эксперимент с «системой социального кредита», ориентированной на сосредоточение максимального количества информации о каждом человеке в его виртуальном «паспорте») в контексте социальной стратификации сообщества свидетельство тому, что люди, не желающие подчиняться системе, не соответствующие ее требованиям по тем или иным параметрам, проходят многоуровневую выбраковку и лишаются тех или иных человеческих прав как «привилегий» [6; 7; 8]. Аналогичная судьба, если данный вид «реформ» не будет остановлен, а планы разработчиков форсайта по масштабному внедрению цифровых технологий (EdTex), вместо развития человеческих отношений в школах и вузах, ждет и образование, и всю систему социальных отношений России. Пока же сотрудники вузов России, в которых введены облачные технологии тотальной слежки, понемногу привыкают к незаконному вмешательству в их профессиональную и личную жизнь. Конечно, система тотального контроля выстраивается сейчас – негласно – почти во всем мире, однако, в Китае она выстраивается открыто и демонстративно, в том числе как попытка создать «прозрачное» гражданское общество (своеобразное гражданское общество взаимных доносов и обвинений, обреченное, в контексте развития этой тенденции, на разрушение человеческого и культуры). На Западе дирижируют аналогичным процессом «неоконсерваторы», руководствующиеся теориями типа теории Л. Штрауса о «естественном праве» и даже моделями эзотерического оккультизма [6]. К сожалению, истолкование этих теорий составляет впечатление о наличии у теоретиков и практиков неоконсерватизма лишь одной цели и одного «естественного права»: уничтожить других ради собственного выживания.

Кроме того, процветающая с конца XX века контрактная система приёма в вузы оставляет талантливых, но малоимущих абитуриентов «за бортом» высшего образования. В погоне за доходами, вузы наполняют рынок труда мало востребованными, но претендующими на большой успех специалистами, подогревая несбыточную надежду успешно трудоустроиться в стране, разрушенной правящей элитой. Помимо прочего, огромной проблемой являются дисгенетические процессы, стимулирующие заболевае-

мость и смертность с помощью разрушительного для психического, физического и нравственного здоровья образа жизни: люди не могут справиться с последствиями тотальных «реформ» их жизни в целом, не говоря о том, чтобы справиться с задачами образования. Родители и дети жалуются на большой объем и сложность школьной программы, на то, что даже при помощи репетиторов и родителей в таком интенсивном темпе и при отсутствии необходимых методических пособий качественно освоить программу крайне сложно: авторами учебников и пособий часто становятся не совсем грамотные люди и не всегда имеющие даже в прошлом какое-то отношение к школам и вузам. Основные недостатки учебников: устаревшие данные, многочисленные ошибки, откровенная ложь политизации и субъективизма.

Параллельно вводятся процедуры стандартизации такого субъективизма и некорректности: на педагогов взваливается задача разработки и многократной переработки, не имеющей никакой образовательной ценности документации (ФГОС очередного «нового поколения», сменяющего предшествующее поколение ФГОС в какой-то совершенно сюрреалистической погоне за новыми ошибками, профанациями и симуляциями инноваций и заботы о подрастающем поколении и о стране), что сокращает время на основную деятельность и время жизни в целом. Попытки найти вразумительные материалы в Интернет и т. д. представляют собой дополнительную работу, отнимающую время и силы учителя. Отмечается также низкий уровень экспертной работы по содержанию дидактических материалов; отсутствует системная методическая работа; в общественных комиссиях нет квалифицированных специалистов по каждой теме и предмету, а сами стандарты, компетенции и т. д. демонстрируют тотальную невежественность их разработчиков (часто тех же самых, что и разработчиков учебников, по которым невозможно не только учиться, но иногда и просто понять – что хотят сказать авторы учеников, программ, стандартов энных-поколений). Программы часто состоят из бессистемного набора фактов для заучивания, которую дети и юноши даже не успевают осознавать. Программа также, что понятно, построена без учета возрастных особенностей учащихся. В итоге школьник и студент не успевают освоить даже элементарные вещи. Снижается / деформируется учебная и жизненная мотивация, так как большое количество теоретизированного и некорректно поданного материала не способствует пониманию, где на практике и в повседневной жизни полученные в школе знания можно применить, а также пониманию ребенком самого себя. В итоге детям все сложнее воспринимать материал, знания и умения не успевают структурироваться и закрепляться [14, с. 53].

Согласно данным последней проверки PISA (Programme for International Student Assessment), Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся, страны бывшего СССР занимают последние места в списке более 70 стран-участниц: школьникам и студентам тяжело определить смысл незнакомого текста, грамматическую структуру или решить сложные задачи [14]. Поэтому становится очевидно, что те, кто разрабатывает программы, учебники и «форсайт-модели» образования, должны быть опытными учителями-методистами, а не просто людьми, которые зарабатывают на учебниках и образовании в целом, и/или стремятся полностью роботизировать образовательный процесс, убрав мешающих своими ценностными ориентациями, знаниями и умениями внедрению в голову учащихся и обучающихся преподавателей содержаний, нужных «кукловодам» ТНК. Сейчас же реформы образования в странах бывшего СССР привели образование к почти полному разрушению, а глобальная цифровизация образования и подготовка к «роботоустойчивым» моделям обучения и воспитания завершает этот процесс дегуманизации не только образования, но и общественных отношений в целом.

Выводы. Цифровизация образования требует разработки и внедрения норм цифровой культуры: защиты от произвола и насилия в цифровой среде, нравственной, а не только юридической обоснованности отношений в сообществе в реальном и виртуальном измерениях. Вне соблюдения этих условий, вне формирования развития культуры как культуры развивающей, обслуживающей и защищающей человека, а не только организации, корпорации и государство, цифровые технологии приведут Россию туда же, куда стремится попасть целый ряд других стран, руководимых «элитой» ТНК. Опасностью XXI века стал отказ от духовно-нравственных ориентиров в пользу юридических, от доверия и принятия к толерантности и безопасности, от творчества и переменам в жизни человека-творца – к роботоустойчивости человека-раба [8]. Если люди не научатся владеть цифровыми устройствами, а, главное, самими собой, если не вернут нравственным отношениям и культуре место основ жизнедеятельности, они потеряют – и себя, и свою человечность. Противоположные тенденции, «тренды» коммодификации и коммерциализации, консюмеризации и эгоцентризма, к сожалению, выступают как ведущие для социальных отношений в образовании России. Стоящая перед педагогами, администрациями, государством задача восстановления российского образования как лучшего образования в мире, восстановление обращения как сферы культуры, а не бизнеса, переориентация образования на развитие личности и культуры, а не обслуживание даже самых лучших «прямых» нужд производства и экономики, – действительно сложна [15; 16]. Нравственно осмысленное и опирающееся на нравственные нормы, пар-

тисипативные, развивающие технологии образование, однако, не недостижимое будущее, а развитая традиция, поддержать и восстановить которую готовы и исследователи, и педагоги [17; 18; 19]. Главное условие – не мешать им выполнять свои обязанности, перегружая их жизнь необходимостью заниматься квазиделовыми вопросами, которые активно навязываются в процессе торговли «образовательными услугами» в ущерб практике обучения и воспитания как процесса социокультурного воспроизводства и развития общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беттельхейм Б.** Самоучитель по выживанию в концлагере // Психология господства и подчинения: хрестоматия / сост. А. Г. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 157–281.
2. **Беспалова Ю. М.** Этические проблемы реформы образования в аспекте проблемы безопасности // Вестник Московского института государственного управления и права. 2018. №1 (21). С. 13–18.
3. **Барроуз М.** Будущее раскочерено. Каким будет мир в 2030 году. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. С. 37–41.
4. **Ямпольский М.** В стране победившего ресентимента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/specials/4887> (дата обращения: 18.03.2019).
5. **Яшина Г.** Рейтинги – международная афера. Зачем министр образования пытается сократить число «передовых» университетов [Электронный ресурс] // Капитал страны. 2017. 12 октября. URL: http://kapital-ras.ru/articles/article/reitingi_mejdunarodnaya_afera_zachem_ministr_obrazovaniya_putaetsya_sokrat (дата обращения: 08.13.2019)
6. **Любарец А. В.** Неоконцы – рывок к созданию общемирового электронного концлагеря // Научный поиск в современном мире: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции (Махачкала, 30 сентября 2017 г.). Махачкала: Апробация, 2017. С. 32–33.
7. **Ковачич Л.** Электронный концлагерь по-китайски [Электронный ресурс] // Геноциду – нет! 26 июля 2017. С. 1. URL: <http://genocid.net/китай-электронный-концлагерь-построит-раньше-сша/> (дата обращения 10.14.2019)
8. **Aoun J. E.** Robot-Proof: Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. New York, London: MIT Press, 2017. 216 p.
9. **Бенгам И.** Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
10. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
11. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris: Gallimard, 1975. 328 p.
12. **Франкл В.** Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина, 2011. 400 с.
13. **Bettelheim B.** The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age. Glencoe, Ill: Penguin Books, 1991. 320 p.
14. **Костенко И. П.** Проблема качества математического образования в свете исторической ретроспективы. М.: Ростовский гос. ун-т путей сообщения (фил. в г. Краснодаре), 2013. 501 с.
15. Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century / Ed. by M. R. Arpentieva, etc. Canada, Toronto: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., 2018. 560 p.
16. Psychology and pedagogy of the future: youth foresight. Youth and psychology: ideas and projects / Ed. by M. R. Arpentieva, etc. Canada, Toronto: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., 2018. 340 p.
17. **Kassymova G. K., Stepanova G. A., Stepanova O. P., Menshikov P. V., Arpentieva M. R., Merezchnikov A. P., Kunakovskaya L. A.** Self-development management in educational globalization // International Journal of Education and Information. 2018. № 12. P. 171–176.
18. **Stepanova G. A., Tashcheva A. I., Stepanova O. P., Kassymova G. K., Tokar O. V., Menshikov P. V., Arpentieva M. R.** The problem of management and implementation of innovative models of network interaction in inclusive education of persons with disabilities // International Journal of Education and Information. 2018. № 12. P. 156–162.
19. **Stepanova G. A., Tashcheva A. I., Markova T. A., Shpakovskaya E. U., Arpentieva M. R., Bazhenova N. G., Tokar O. V., Kirichkova M. E.** Value-notional relations of people with persons with disabilities in additional and alternative education and in other inclusive social practices // International Journal of Education and Information (International Journal of Education and Information). 2019. № 1. P. 65–72.

REFERENCES

1. **Bettelheim B.** Tutorial on survival in a concentration camp. In: Chernyavskaya A. G. (comp.). *Psychology of domination and subordination: A reader*. Minsk, Harvest Publ., 1998, pp. 157–281. (In Russ.)
2. **Besparova Yu. M.** Ethical problems of higher education reform in Russia. *Pedagogika = Pedagogy*, 2016, no. 9, pp. 72–77. (In Russ.)
3. Barrows M. *The Future is Declassified. What will be the world in 2030*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2015, pp. 37–41. (In Russ.)

4. **Yampolsky M.** In the country of the victorious resentment. *Available at:* <http://www.colta.ru/articles/specials/4887> (accessed 18.03.2019). (In Russ.)
5. **Yashina G.** Ratings-international scam. Why the Minister of Education is trying to reduce the number of «advanced» universities. *Available at:* http://kapital-ras.ru/articles/article/reitingi_mejdunarodnaya_afera_zachem_ministr_obrazovaniya_pytaetsya_sokrat (accessed 08.03.2019) (In Russ.)
6. **Lyubarets A. V.** Neocons – a breakthrough to the creation of a global electronic concentration camp. *Scientific search in the modern world.* Collection of materials of the XVI International Scientific Practical Conference (Makhachkala, September 30, 2017) Makhachkala, Testing Limited Liability Company Publ., 2017, pp. 32–33. (In Russ.)
7. **Kovacic L.** Electronic concentration camp in Chinese. Genocide – no! *Available at:* <http://genocid.net/kit-electronic-concentrationcamp-build-up-tows/> (accessed 10.11.2018) (In Russ.)
8. **Aoun J. E.** *Robot-Proof: Higher Education in the Age of Artificial Intelligence.* New York, London, MIT Press Publ., 2017, 216 p.
9. **Bentham I.** *Introduction to the foundations of morality and legislation.* Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 415 p. (In Russ.)
10. **Orwell J.** *«1984» and essays from different years.* Moscow, Progress Publ., 1989, 384 p. (In Russ.)
11. **Foucault M.** *Surveiller et punir: Naissance de la prison.* Paris, Gallimard Publ., 1975, 328 p.
12. **Frankl V.** *To say life «Yes!»: A psychologist in a concentration camp.* Moscow, Alpina Publ., 2011, 400 p. (In Russ.)
13. **Bettelheim B.** *The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age.* Glencoe, Ill: Penguin Books, 1991, 320 p.
14. **Kostenko I. P.** *The problem of the quality of mathematical education in the light of historical retrospectives.* Moscow, Rostov State University of Communications (in Krasnodar) Publ., 2013, 501 p. (In Russ.)
15. **Arpentieva M. R.** (ed). *Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century.* Canada, Toronto, Altaspera Publishing & Literary Agency Inc. Publ., 2018, 560 p.
16. **Arpentieva M. R.** (ed). *Psychology and pedagogy of the future: youth foresight. Youth and psychology: ideas and projects.* Canada, Toronto, Altaspera Publishing & Literary Agency Inc. Publ., 2018, 340 p.
17. **Kassymova G. K., Stepanova G. A., Stepanova O. P., Menshikov P. V., Arpentieva M. R., Merezhnikov A. P., Kunakovskaya L. A.** Self-development management in educational globalization. *International Journal of Education and Information*, 2018, no. 12, pp. 171–176.
18. **Stepanova G. A., Tashcheva A. I., Stepanova O. P., Kassymova G. K., Tokar O. V., Menshikov P. V., Arpentieva M. R.** The problem of management and implementation of innovative models of network interaction in inclusive education of persons with disabilities. *International Journal of Education and Information*, 2018, no. 12, pp. 156–162.
19. **Stepanova G. A., Tashcheva A. I., Markova T. A., Shpakovskaya E. U., Arpentieva M. R., Bazhenova N. G., Tokar O. V., Kirichkova M. E.** Value-notional relations of people with persons with disabilities in additional and alternative education and in other inclusive social practices. *International Journal of Education and Information*, 2019, no. 1, pp. 65–72.

Информация об авторе

Арпентьева Мариям Равильевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», (Российская Федерация, 248 023, г. Калуга, ул. Разина, д. 26, e-mail: mariam_rav@mail.ru)
Статья поступила в редакцию 8.04.19. После доработки 18.10.19. Принята к публикации 27.02.20.

Information about the author

Mariam R. Arpentieva – doctor psychology science, Associate Professor, Professor of the Department of Developmental Psychology and Education at K. E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, (26, Razin str., Kaluga, 248 023, Russian Federation; e-mail: mariam_rav@mail.ru)
The paper was submitted 10.07.19. Received after reworking 18.10.19. Accepted for publication 27.02.20.